

10-127к. →

Handwritten signature or initials in red ink.

СОВЕТСКАЯ
ЖЕНЩИНА —
ЗАЩИТНИЦА
РОДИНЫ

ОГИЗ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1942

94

Герой Советского Союза
Зоя Космодемьянская (Таня).

„Нет преступления, на которое фашисты не были бы способны, нет такого количества крови, которое они побоялись бы пролить“.

М. ГОРЬКИЙ.

Мы не забудем тебя, Таня!

Было начало декабря 1941 года. Быстро прошел короткий день. И когда на лесную поляну спустились вечерние сумерки, из землянки, окутанная клубами пара, вышла молодая девушка.

Когда совсем стемнело, над тихими перелесками и заснеженными полями повисло звездное небо. По тропинкам и мало проезжим зимним дорогам путь девушки лежал в деревню Петрищево. Молодая партизанка шла в логово фашистского зверя. Вот уже больше месяца в селах и деревнях Верейского района хозяйничали немецкие оккупанты. Девушка знала, что враг жесток и беспощаден. Он разорил наши села и города, принес неисчислимые страдания русским людям. И с тех пор, как она стала партизанкой, целью ее жизни стало жестоко мстить и беспощадно истреблять фашистскую сволочь.

В Петрищеве расквартировалась немецкая воинская часть, отведенная в тыл для переформирования. Из многих домов фашисты выбрасывали мирных обитателей, не считаясь даже с детьми. В первые же дни своего появления в деревне немцы учинили повальный грабеж. Они забирали у колхозников продовольствие, одежду, ценные вещи. Партизанам было известно, что в Грибцове фашисты расстреляли двух мальчиков только за то, что те подобрали на дороге несколько утерянных патронов.

Партизаны жестоко мстили палачам. В тылу врага они свято следовали призыву великого Сталина. На дорогах взрывались вражеские автомашины. Горели склады с военным имуществом. Бесследно исчезали десятки гитлеровских молодчиков. Фашисты боялись советских партизан. И захватив кого-либо из партизан, фашисты придумывали для них самые утонченные пытки.

Девушка, пробравшаяся в этот вечер в Петрищево, знала, что, если она попадет в лапы врага, пощады не будет. Она бесстрашно шла навстречу опасности, убежденная в правоте своего дела.

В ту морозную декабрьскую ночь были перерезаны телефонные провода. В Петрищеве сгорела конюшня с немецкими лошадьми. Всю ночь и весь следующий день гитлеровцы неистовствовали в деревне. Они шарили в домах, сараях, на гумнах, разыскивая партизан. Арестовали нескольких человек из местных жителей, подозревая их в связях с партизанами. Но, разумеется, никаких следов партизан они не нашли.

Вечером следующего дня немцам все же удалось захватить юную партизанку. Ее провели в штаб. Перед немецкими офицерами стояла красивая восемнадцатилетняя девушка в шапке-ушанке, в красноармейских ватных брюках и меховой куртке. Солдаты, схватившие партизанку, положили на стол заряженный револьвер и две бутылки с горючей жидкостью. Она не успела поджечь склад с воинским имуществом...

Хозяевам дома, где фашисты допрашивали партизанку, было приказано выйти в кухню. Все же, они слышали, как господа офицеры с тупым равнодушием избивали ее. Ее спросили:

— Ты подожгла конюшню в прошлую ночь?

Партизанка ответила твердым голосом:

— Да, я подожгла!

На все остальные вопросы она отвечала: „Нет“ и „Не скажу“.

В штабе с нее сняли одежду. В одной рубашке, босую, при сильном морозе фашисты вели ее через всю деревню. В десять часов вечера ее привели в дом колхозника Василия Александровича Кулика. Солдаты втолкнули в комнату раздетую, со связанными назад руками девушку. Тело девушки сплошь было покрыто кровоподтеками; на лице, на губах застыла кровь. Ноги были обморожены.

В изнеможении она опустилась на табуретку и попросила воды. Один из фашистских солдат, немного говоривший по-русски, схватил керосиновую лампу и подскочил к ней:

— Пей керосин, пей керосин!

Уже не в силах дальше сопротивляться, девушка ответила бандиту презрительным взглядом.

Офицеры, истязавшие девушку на допросе, придумали новый вид пытки. По их распоряжению каждый час часовые выводили раздетую партизанку на двор и там держали

ли ее на морозе в продолжение пятнадцати-двадцати минут.

Группа фашистов продолжала истязать ее и в квартире Кулика. Они жгли тело девушки спичками и, наконец, царапали тело... пилой.

Под утро, когда фашисты улеглись спать и около партизанки остался один часовой, хозяйка дома, Прасковья Яковлевна Кулик, спросила девушку, откуда и кто она.

— Я из Москвы, а зовут меня Таня.

Больше она ничего не сказала.

Утром Таню снова допрашивали. Один из офицеров спросил у нее по-русски:

— Где Сталин?

Партизанка всем телом рванулась вперед, ее черные глаза засверкали.

— Сталин на посту! — громко ответила она.

Продолжения допроса хозяева квартиры не слышали, — их выгнали из дому. Видимо, офицеры настойчиво добивались от Тани сведений о партизанах. Но безрезультатно. Через несколько минут допрос был окончен, и ей разрешили одеться. С помощью хозяйки она надела чулки, брюки и кофточку.

А в это время посредине деревни фашистские палачи спешно воздвигали виселицу. Населению объявили: „Будем вешать партизанку. Всем приходиться на площадь“.

Было около десяти часов утра. Виселицу оцепили сотней немецких солдат. Десяток конных фашистов гарцовал тут же с пашками наголо. Немецкие бандиты все еще боялись измученной пыткой, избитой, искалеченной девушки.

Под усиленным конвоем, в чулках, без валенок, со связанными руками Таня шла к месту казни. Она высоко держала гордую голову русской патриотки. Взгляд ее черных глаз был устремлен навстречу низким лучам декабрьского солнца. Спокойно и мужественно молодая девушка прощалась с жизнью.

Небрежным взглядом окинула она перекладину с веревкой и твердо поднялась на ящики, поставленные под петлей. Вокруг виселицы засуетился офицер с фотоаппаратом.

— Эй, товарищи! — родное и близкое для колхозников слово разнес над площадью молодой, звонкий голос. Таня повернулась в сторону петрищевских крестьян.

— Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте немцев, жгите, травите!..

— Мне не страшно умирать, товарищи. Это — счастье умереть за свой народ...

Обращаясь к немцам, Татьяна воскликнула:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами! Вам отомстят за меня...

Колхозники плакали, слушая эту пламенную речь.

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!..

Палач выбил из-под ног девушки ящик и подтянул веревку. Дернулась веревка и оборвала могучий призыв пламенной патриотки.

Около месяца на деревенской площади висел труп партизанки. Фашистские негодяи строго наказали жителям не приближаться к виселице. Трупом замученной девушки-партизанки они хотели запугать советских людей, сломить их волю к борьбе с фашистскими разбойниками. Но достигли немцы совершенно обратного.

Никогда не сотрется в памяти жителей деревни Петрищево страшная по своей мерзости картина, разыгравшаяся на сельской площади под Новый год. Ватага перепившихся фашистов решила поразвлечься. Они пришли к виселице, стянули с трупа партизанки одежду. Затем подлые изверги кинжалами искромсали замерзшее тело.

И уже только после этого, заметая следы своего черного дела, немцы ночью зарыли труп за деревней, около школы. Тогда же они спилили виселицу и убрали ее.

Так погибла верная дочь советского народа. Пока еще не установлена ее фамилия, но все, кто ее знал и видел в партизанском отряде и в деревне Петрищево, никогда не забудут смуглолицую девушку в красноармейской форме, девушку с горячим сердцем, которая страстно ненавидела заклятых врагов нашей родины — немецко-фашистских захватчиков.

Никогда не забудет ее и весь советский народ. Священная ненависть, жажда борьбы с врагом, которую носила в своем сердце партизанка Таня, — неотделимая частица чувств и переживаний всего народа.

Мужественный образ юной советской девушки, бесстрашно сражавшейся с немецкими извергами, девушки, которая встретила смерть с пламенными словами о родине на устах, будет героическим примером для всей нашей молодежи. Молодые патриоты, воспитанные нашей большевистской партией и Ленинско-Сталинским комсомолом, будут так же бесстрашны в беззаветной борьбе с германским фашизмом, как партизанка Таня.

С. Любимов.

Наша „Таня“

Маленькая комната. На столе несколько книг, учебников, тетрадей, линейка, карандаши, ручка. Кажется, что заботливый ученик приготовил все, что необходимо захватить с собой завтра в школу. На обложке тетради старательно написано:

*Ученица 9-го класса „А“
201-ой школы
Зоя Космодемьянская...*

В пожелтевшей от времени записной книжке Зои мы нашли несколько записей, сделанных Зоей еще в 7-м классе: „Уважай себя, не переоценивай“. „Не запирайся в свою скорлупу и не будь „однобокой“. „Не кричи, что тебя не уважают, не ценят, а больше работай над собой и будет больше уверенности“, „Упорство и мужество рождается в преодолении препятствий“.

Да, девизом школьницы было упорство. Упорство у Зои проявлялось во всем. Она никогда не отчаивалась, ничего не оставляла недоделанным. Если было трудно, она обращалась за помощью к товарищам.

Упорство и мужество Зоя черпала из произведений своих любимых писателей. Она любила читать Шевченко, Чернышевского, Некрасова, Горького, Н. Островского. Биографии этих писателей она знала полно и всеобъемлюще. С увлечением изучала Зоя памятники народного эпоса. Особенно она увлекалась былинами. Недаром сочинение, написанное Зоей в 8-м классе, — „Илья Муромец — богатырь земли русской“ — считается в школе лучшим до сих пор.

Зоя много читала о жизни наших великих предков — Александре Невском, Дмитрии Донском, Козьме Минине, Дмитрии Пожарском, Александре Суворове, Михаиле Кутузове. Ей были известны и лед Чудского озера, на котором захлебнулись в собственной крови псы-рыцари, и снега, в которых морозил врагов Иван Сусанин, и альпийские обледенелые горы, которые штурмовал Суворов, и Бородинское сражение, которым руководил Кутузов.

Особенно привлекал Зою образ Кутузова. Она неоднократно выступала с докладами о Кутузове, выбранном „против воли царя и по воле народа“ главнокомандующим. В тетрадях встречаются много выписок из романа Л. Толстого „Война и мир“, подробные записи о Бородинской битве. Немало выписано цитат и о партизанах Смоленщины.

Подвиги грозных народных мстителей восхищали школьницу...

К тетрадам и учебникам, разложенным на столе, их хозяйка минувшей осенью не притронулась. Занятия в школе не начались. Дождливым утром Зоя вместе с другими ребятами уехала в деревню. Школьники Москвы помогали колхозникам собрать богатый урожай картофеля и овощей.

В одной из открыток, присланных домой, Зоя сообщала своей маме о том, что школа воспитала в ней не только желание быть полезным человеком для родины, но и умение быть полезной на деле.

„Мы помогаем убирать урожай, — писала Зоя. — Норма выработки на один трудодень — 100 килограммов. Вот мы и стараемся выполнить норму. Второго октября я собрала 80 килограммов. Это мало. Обязательно буду собирать 100!

Дорогая мамуся! Как ты себя чувствуешь? Я все время о тебе думаю и беспокоюсь. Сильно скучаю, но уже скоро вернусь (как только уберем картофель). Привет Шуре и всем нашим знакомым“.

В октябре школьники вернулись в Москву. Но никто из них тогда не взялся за учебники. Они жили в тяжелые, напряженные дни, когда над Москвой нависла серьезная опасность. Враг приближался к воротам столицы. Зоя прониклась твердой решимостью во что бы то ни стало добиться разрешения участвовать в обороне Москвы.

Весь тот тревожный день Зоя провела в хлопотах. Она побывала в городском комитете комсомола, успела встретиться со знакомым подполковником и только вечером возвратилась домой. Лицо девушки горело. Она была радостной и взволнованной.

Под большим секретом Зоя сообщила Любови Тимофеевне:

— Мамочка, иду на фронт! Буду с партизанами. Только ты об этом брату ни слова...

Решение восемнадцатилетней дочери сильно взволновало мать. Любовь Тимофеевна плакала, пыталась отговорить дочь от тяжелого и опасного дела.

— Нет, мамочка, — серьезно ответила Зоя. — Ведь я комсомолка и должна быть впереди. Я знаю, что это трудно и опасно. Но я не могу сидеть дома...

Таким же был разговор и со знакомым подполковником. Сказать правду, подполковник пытался сделать так, чтобы юная патриотка подождала, или пошла в госпиталь медицинской сестрой. Но девушка и слышать об этом не хотела. Она твердо решила быть только партизанкой. Тогда подполковник в упор задал ей вопрос:

— А вы не боитесь?

— Нет, — коротко ответила Зоя.

Подполковник разговаривал с Зоей, как отец с дочерью. Он испытующе следил за выражением лица Зои. Но оно было спокойным, чистым, твердым.

— Ну, а если вас поймут немцы?

— Знаю — будут издеваться, — спокойно ответила Зоя. — Будут мучить. Будет больно, но не беспокойтесь. Никому и никогда товарищей своих я не выдам!..

Первого ноября Зоя последний раз была в своей комнате. Учебники и тетради она оставила на столе. „Еще пригодятся“, — сказала она брату Шуре. Собиралась Зоя очень быстро. Одевалась потеплее, надела шерстяную фуфайку, гетры, зимнее пальто, рукавички. Голову повязала зеленым шерстяным шарфом. Сверток, который приготовила на дорогу Любовь Тимофеевна, Зоя не взяла. „Автомобиль со мной, мама, не будет“, — шутя заметила дочь. Зоя вынула из пакета полотенце, мыло, зубную щетку, отрезала большой кусок хлеба. „Вот весь мой багаж“, — сказала она.

Перед уходом из дома Зоя крепко обняла мать, по-детски повисла на шее и, успокаивая Любовь Тимофеевну, чистым, твердым голосом сказала:

— Не плачь, мама. Гордись, что вырастила такую дочь. Я или вернусь героем, или умру героем..

Вскоре Любовь Тимофеевна получила от дочери первое письмо. На листочке бумаги размером со спичечный коробок Зоя писала:

„Дорогая мама! Я жива и здорова. Чувствую себя хорошо. Как ты там?
Твоя Зоя“.

Через 15 дней было получено второе письмо. Оно было такое же маленькое.

В третьем письме Зоя сообщала домой, что наконец-то она получила настоящее дело: „Когда выполню его, приеду домой погостить“.

Больше писем от Зои не получали.

Историю Зои-партизанки, принявшей в целях конспирации имя Тани, наши читатели в общих чертах уже знают. Мы сообщим здесь лишь некоторые новые детали, о которых рассказали ее соратники.

Партизанский отряд, в котором находилась Зоя, совершал налеты на фашистские гарнизоны. В тылу врага советские люди выполняли призыв товарища Сталина об уничтожении немецких оккупантов.

В один из декабрьских дней партизаны узнали, что в

селе Петрищево расквартировалась немецкая воинская часть. Фрицы хотели отдохнуть. Партизаны решили показать фрицам, что такое отдых на русской земле.

Итти в звериное логово всем отрядом было рискованно. Командир решил послать туда только самых отважных и надежных бойцов. И первой среди храбрых была Зоя Космодемьянская. Отправляясь в опасный путь, она сказала оставшимся в лесу: „Хорошо отдохнут немцы в земле!“

В ту же ночь над селом взметнулись три красных петуха. Огненные языки лизали дома, в которых безмятежно спали фашисты. Дома сгорели. Сгорели и конюшни, в которых находились 20 лошадей, сгорело много винтовок, автоматов.

Переполошившиеся фашисты всю ночь метались по селу. Они хватали всех, кто попадался под руку, каждого называя страшным для врага именем „партизан“. Но того, кто поджег дома, фашисты не нашли.

Дня через два под вечер на окраине деревни появился человек с сумкой через плечо. Он пробирался к военному объекту. Около намеченной цели человек быстро достал из сумки бутылку с бензином. В тот момент, когда надо было чиркнуть спичку, человека схватили немецкие солдаты. Пойманного привели в штаб, расположенный в доме Седовой М. И. Только здесь фашисты разглядели, что это совсем-юная девушка...

В первых числах декабря 1941 года в Петрищево, близ города Вереи, немцы казнили восемнадцатилетнюю партизанку. Девушка приняла мученическую смерть, не выдав своих товарищей.

Всем нам, живущим, она оставила завещание: „Не проливайте слез. Стыснув зубы, будьте стойкими. Идите на бой с заклятым врагом земли русской и помните: победа или смерть. Другого выбора у вас быть не может, как не было его и у меня“.

Подвиг юной героини вызвал восхищение советского народа. На другой день после того, как был напечатан в газете материал о партизанке „Тане“, в редакцию стали поступать письма, запросы. Рабочие, колхозники, бойцы и командиры Красной Армии, учащиеся спрашивали, кто такая партизанка „Таня“, где она работала, кто воспитал эту замечательную девушку.

Сегодня мы с гордостью называем подлинное имя юной героини и имена родителей, вырастивших такую дочь, и учителей, воспитавших героиню нашего времени. Отец Зои — Анатолий Петрович, советский служащий, умер в 1933 году. Мать — Любовь Тимофеевна — препода-

ватель. В классном дневнике Зои записаны фамилии, имена и отчества преподавателей 201-й школы, закаливших ее дух. Это Вера Сергеевна Новоселова, Николай Васильевич Васильев, Иван Алексеевич Язев, Ольга Павловна Авдюшина, Ефим Иванович Баранов, Иван Александрович Железнов, Вера Александровна Дьяконова, Елена Александровна Федорова, Николай Иванович Потемкин, Павел Павлович Рыскин.

Комсомольское спасибо им за то, что они вырастили, воспитали такую отважную дочь родины!

Зоя Космодемьянская — героиня советского народа. Народ никогда не забудет свою верную дочь.

В. Чернышев.

Выступление по радио Л. Т. Космодемьянской —

матери Героя Советского Союза З. А. Космодемьянской

(Радиопередача для молодежи)

Дорогие товарищи!

Я хочу вам, сверстникам, друзьям, подругам моей Зои, сказать несколько слов. Я хочу попросить вас, родные, от всего материнского сердца: отомстите подлому фашистскому зверю, отомстите немецким палачам за смерть моей дочки!

Товарищи! Говорить о Зое мне невыносимо тяжело. Вы сами это понимаете. Ведь я потеряла самого близкого, дорогого мне человека, я выходила, вырастила ее... Пусть ни одного из вас, когда он в будущем станет матерью или отцом, не постигнет такое страшное горе.

Но все-таки я должна сказать о Зое. Я должна сказать вам всем, всей нашей молодежи: я горжусь своей дочерью! И Зое моей — вот тут, перед вами, хочется мне сказать, хоть она и не услышит меня: горжусь тобой, моя девочка!

Товарищи! У Зои была светлая голова и горячее, чистое, мужественное сердце. У нее было сердце борца, товарищи! Мы с Зоей жили душа в душу. Мы были не только мать и дочь, а друзья. Делились своими горестями и радостями. Я знала, как Зоя относится к жизни, к родине, к комсомолу. Тепло и спокойно мне было с моей девочкой. Чуть пригорюнишься, она подойдет, заглянет в лицо, встряхнет:

— Мама, ты что? Брось, мама! Все это пройдет.

Удивительно бодрый и цельный была она человек. Я старше ее, опытнее, а она помогала мне переносить мужественно неудачи или трудности...

Товарищи! Зоя мне сказала, что уезжает на фронт. „Мама, — сказала мне Зоя, — я уйду на фронт к партизанам. Тебе я могу об этом сказать. Ты пойми, мама, у меня нет сил стоять в стороне, когда фашисты лезут на Москву...“

Я должна признаться — у меня на глаза набегали слезы. Все это было так неожиданно для меня. И мне как-то трудно было сразу представить себе, что единственная дочка моя, молоденькая такая, уходит на войну...

Зоя заметила мое волнение и сказала — вот точно ее слова: „Ты что плачешь, мама?“ Не ты ли мне говорила, что я должна быть смелой и честной?! Мама, я горжусь тем, что буду бороться с фашистами, и ты гордись, что я уйду на фронт. Со слезами меня провожать не надо“.

И я проглотила слезы. Я взглянула на дочку, и мне даже совестно стало перед ней — такая она была радостная, приподнятая, праздничная... В этот вечер мы с Зоей особенно хорошо поговорили. Зоя разрешила мне проводить ее до трамвайной остановки. Шла она с маленьким походным мешком. Сама я и мешок этот ей купила...

У трамвайной остановки мы попрощались. Зоя сказала мне. Вот как сейчас я слышу ее гордый и радостный голос:

— Приду героем или умру героем, ты, мама, не унывай. — И улыбнулась. Больше я ее так и не увидела.

Товарищи! Сердце мое тяжело ранено, и время не залечит эту рану. Но я горжусь, что дочка моя смело пошла на великое дело и осталась сильной, честной, гордой до последнего своего дыхания. Зоя встретила смерть, как настоящий человек, борец, коммунист.

Товарищи! Меня радует одно: Зою никогда не забудут. В моем-то материнском сердце она будет жить, пока сердце бьется. Но она будет жить в ваших сердцах и тогда, когда меня не будет. Ее вспомнят добрым словом и ваши дети... Я ехала в трамвае в тот день, когда была напечатана в „Правде“ статья „Таня“. Газету я не читала, но слышу, все говорят: „Таня, Таня“ и рассказывают о подвиге девушки, об исключительной силе воли. Мне тогда и в голову не пришло, что Таня это и есть родная моя Зоя... Только я разволновалась, вспомнила Зою: как там она на фронте? И подумала: если придется ей, девочке моей, встретиться лицом к лицу с опасностью, хоть бы она была так же сильна, как эта чудесная Таня.

А потом оказалось, что Таля это и есть моя Зоя...

Товарищи! Пусть будут прокляты эти фашистско-немецкие кровососы, душегубы! Пусть их матерям, их дочерям приснится страшная казнь моей Зои! Кровавые палачи получают по заслугам! Я знаю это. Фашизм будет истреблен раз и навсегда. Я знаю это, товарищи! Но я прошу вас, как мать, потерявшая любимое дитя: отомстите скорее и за мою Зою!

Отомсти, молодежь, немецким зверям, которые мучили, терзали мою дочку!

Я прошу вас об этом. И я повторяю вслед за незабвенной своей Зоей:

— Будьте смелее! Боритесь, бейте немцев! Смерть фашистским палачам! Смерть им!

Совершеннолетие „чизжика“

1. Ее не брали на фронт

Ей было 16 с половиной лет, когда началась великая отечественная война. Молодые патриоты Ленинграда уходили на фронт. Юноши становились бойцами, девушки — дружинницами и связистками. Ее потянуло на фронт. Но вот беда — профессия парикмахера, как известно, не особенно военная. Девушку это обстоятельство не смутило. Парикмахер на фронте тоже может быть полезным человеком.

Раскрасневшаяся, стояла она перед полковником и ожидала, что он ответит на ее просьбу. Она услышала удивленное и категорическое:

— Куда? На фронт? Нельзя. Мала. При первом выстреле заплачешь.

Она всячески старалась скрыть уныние. До боли закусывала губы, чтобы не разрыдаться. А глаза выдали, блеснули слезы.

— Ну вот, я же говорил, — сказал полковник.

А она все стояла и умоляющими глазами смотрела. Настойчивые просьбы помогли. Девушку послали парикмахером в одну из частей Действующей армии.

Ее имя Аня Дементьева. Но, если вы, расспрашивая о ней у бойцов, назовете ее по имени и фамилии, никто вам ничего не скажет. Наоборот, на вас удивленно посмотрят:

— Что-то вроде такой у нас в подразделении нет.

Тогда вы объясните, что Аня — это та маленькая девуш-

на, которая работает парикмахером. И мгновенно боец просияет:

— Так это ж „чижик“, а не Аня, наш „чижик“...

Начальник штаба Шлемович как-то в шутку назвал Аню „чижилом“. С тех пор с легкой руки начштаба Аню Дементьеву все ласково зовут „чижилом“.

Не только имя „чижик“, но и слава мужественной, смелой девушки прочно установилась за Аней. Она уже не раз показала, что не заплачет в самые критические, опасные моменты.

2. „Чижик“ никогда не плачет

Подразделение, где служила „чижик“, попало во вражеское окружение. Со всех сторон летели снаряды, рвались мины. Девушка впервые попала под такой сильный обстрел. Было очень страшно. Она залегла в окоп и испуганно поглядывала наверх, где все грохотало и звенело. Пули свистели над самой головой. Комья земли ударили в спину, в голову, и „чижику“ казалось, что она ранена.

— Но почему я не чувствую боли?— задавала себе вопрос девушка и потихоньку трогала спину, голову, чтобы убедиться, что она жива и невредима. Первый испуг прошел. „Чижик“ выглянула из окопа. Откуда-то доносился слабый стон. Не задумываясь, бросилась она к раненому и начала делать перевязку. И так от одного к другому, уже не обращая внимания на стрельбу, оказывала она помощь раненым бойцам.

Потом маленькая, хрупкая девушка переносила раненых в безопасное место. В это — первое, боевое крещение „чижик“ вынесла с поля боя 18 раненых.

В другой раз уже с первых минут боя она держалась храбро и бесстрашно.

Подразделение занимало оборону. Финны вели сильный огонь, мешая закрепиться на новых позициях. Некоторые бойцы дрогнули, и тогда „чижик“ поднялась и звонко крикнула:

— Вперед, только вперед!

Тут же подоспел комиссар и повел часть в наступление. И когда рубеж был укреплен, когда стало немножко поспокойнее, комиссар ласково сказал „чижику“:

— Молодец, девушка!

Через некоторое время стрельба началась снова. „Чижик“ лежала в окопе вместе с пулеметчиком Мулеванчуком. Он строчил из пулемета, она — из самозарядки. Вдруг пулемет замолчал. Кончились патроны. Без слов поняла

„чижик“, что ей нужно делать. Быстро юркнула она из окопа, больше ста метров проползла в сторону и вернулась с дисками патронов. С благодарностью взглянул на нее пулеметчик. Так держали они оборону больше трех часов. А белофинны все продолжали наступать. Девушка видела, как они приближались к окопам. Но ничем не выдала она своего волнения, лишь крепче сжимала винтовку и прилаживала на поясе гранаты. А потом, когда казалось, что вот-вот финны ворвутся в окоп, тихонько сказала пулеметчику:

— Если будет туго, живьем не сдаваться. Одну гранату я оставляю для себя.

Подшло подкрепление, и последняя граната „чижика“ полетела во вражеский стан.

3. „Чижик“ звонко поет

После боев „чижик“ — опять парикмахер. Из роты в роту, из землянки в землянку ходит она со своим несложным инструментом. В портфеле лежат у нее бритва, машинка для стрижки волос, душистое мыло и походное складное зеркальце.

Мороз ли, метель ли, — ей все нипочем. Неторопливой походкой спешит она к своим „клиентам“, как в шутку называет бойцов.

Дорогу замело. Снег рассыпается под ногами, как сухая крупа. А чуть оступилась, вязнешь в снегу по голенища сапог. „Чижик“ идет и идет. И в боевое охранение добирается ползком. Замерзнет вся, нос покраснеет, а глаза веселые, насмешливые. Никогда от нее никто не услышит унылого слова. С песней „обрабатывает“, как по-фронтальному она называет бритье и стрижку, бойцов.

Песенка „Парень кудрявый“ не сходит с уст девушки, и от нее становится веселее на душе, светлеют лица бойцов.

Я познакомилась с „чижигом“ в землянке, которую она любовно приспособляла для парикмахерской. Землянка выглядела неудобной, темной, пустой. „Чижик“ решила ее перестроить. За этой работой я и застала ее.

Ловко прилаживала она листы бумаги, скрепляя их кнопками. В землянке было холодно. Пальцы коченели. Но „чижик“ не замечала этого. Подует на руки и опять за оклейку. Землянка понемногу светлела, принимала уютный, домашний вид. Девушка не унималась. Хозяйским взглядом окидывала она повеселевшую землянку, а ножницы быстро мелькали в проворных девичьих руках.

Какие-то замысловатые кружочки, лепестки выкраивала она из бумаги, и окна оживились: незатейливый рисунок украсил их.

На другой день было „открытие“ парикмахерской. И право же, вид ее был такой, что это название, данное „чижиком“, уже не звучало иронически. Светлая землянка радушно принимала посетителей.

— Совсем, как в городе,—к радости „чижика“ говорили бойцы.

И теперь часто поздним вечером в землянке светится огонек. „Чижик“ не спит. Она стирает, утюжит белоснежные салфеточки, готовит свой дорожный чемодан для очередного похода на передовые. Она идет туда улыбающаяся, такая близкая и родная всем.

„Чижик“ — фронтовой парикмахер. Но „чижик“, когда требуется, — смелый, отважный боец. И от имени наших советских девушек хочется громко сказать тебе, родная: так звонче же пой, неутомная, веселая девушка! Пусть боец, слушая тебя, вспомнит о своей младшей сестренке или о любимой девушке, о своих родных. И пусть за разлуку с близкими еще яростнее, смелее идет в атаку, беспощаднее уничтожает ненавистного врага.

1 января в Новый, 1942, год тебе исполнилось 17 лет. За эти полгода ты стала старше, повзрослела не по годам. Это и есть твое совершеннолетие — совершеннолетие советской девушки-комсомолки.

К. Филатова.

Д о л г

Тамара Калнина...

Она добровольно пошла на фронт, в первые дни войны. Ей едва исполнилось семнадцать лет, и бойцам, которых она перевязывала, казалось, что это их любимая младшая сестра касается их разгоряченных лбов.

После жаркого боя медицинской сестре Тамаре Павловне Калниной было поручено эвакуировать на санитарном автомобиле раненых бойцов и командиров. На машине ярко выделялись красные кресты. И, может быть, именно поэтому фашисты решили разбить ее, уничтожить раненых советских бойцов.

Семь вражеских самолетов шли над дорогой. Увидев санитарную машину, все семь пошли на снижение. Сто метров. Пятьдесят. Сорок. Пятнадцать метров. Самолеты

уже почти касаются земли. На бреющем полете прошли семь вражеских стервятников над дорогой. Вернулись, прошли еще раз. И хлестнули по санитарной машине зажигательными пулями.

Замерев, сидела на своем месте Тамара. Раненые стонали. Она поправляла их повязки, давала им пить из фляги. И раненым становилось легче, и они умолкали.

Еще одна огненная очередь. Пламя обняло машину, она остановилась среди леса, пылая, как гигантский костер. Заметались раненые, падая с полок, срывая повязки, беспомощно глотая раскаленный воздух. На миг, на одно мгновение Тамара потеряла присутствие духа. Девушка выскочила из пылающей машины. Бежать! В лес. Спасаться от настигающей смерти...

Куда?! Она сразу пришла в себя. Куда ты побежишь от своих раненых, от людей, которых доверили тебе? Комсомолка... Доброволец... Разве после этого ты сумеешь жить, сумеешь смотреть людям в глаза...

Она бросилась назад к машине. Слабыми, полудетскими руками она стала вытаскивать раненых. Сначала ей помогал шофер, но вот опять вернулись вражеские самолеты, еще раз ударили по горящей машине, и, пораженный насмерть, свалился на дорогу водитель.

Тамара осталась одна. Среди леса, в пылающей машине, под пулями самолетов, с пятнадцатью ранеными.

Пятнадцать раз влезала она в горящий грузовик. Пятнадцать раз, обхватив большое тяжелое тело раненого, она, задыхаясь, тащила его к лесу, к лоштинке, останавливалась для того, чтобы глотнуть воздух, чтобы перевести дух, чтобы потушить загорающееся платье.

Это казалось невозможным. Это казалось выше человеческих сил. Но это было по силам настоящему человеку, отважной девушке, победившей пламя, победившей семь фашистских стервятников, победившей смерть.

Одни раненые были в беспомощности, другие открывали глаза, с удивлением, восторгом, благодарностью глядели на свою маленькую спасительницу.

— Ничего, дорогой! — шептала она, с трудом раскрывая треснувшие, запекшиеся губы. — Ничего. Это пройдет. Я вас не оставлю, не оставлю никогда.

И улыбалась одними глазами, большими, глубокими и трогательными.

Машина догорала, когда всех пятнадцать человек Тамара перетащила в лоштинку. Сорвав с себя тлеющую одежду, не обращая внимания на сильную боль от ожогов, в полубреду, она добежала, дошла, доползла за помощью к медсан-

бату. Прерывистым шопотом объяснив, где раненые, она упала в беспамятстве.

Все пятнадцать человек были спасены. Их увезли в госпиталь.

И многие из них так и не узнали имя своей маленькой героической спасительницы. Ее зовут Тамара Калнина. Вы теперь никогда не забудете это имя!

Она умирала — от ожогов, от простуды. Ее отправили в госпиталь на самолете. Ее вырвали из рук смерти, ее спасли, как спасла она вас, бойцы и командиры!

Она будет жива.

И когда лучшие мастера нашей страны будут ваять памятник победы и славы, рядом с могучими воинами, рядом с Гастелло и Мамедовым, рядом с летчиками, танкистами, стрелками и саперами пусть поставят они фигуру маленькой девушки с красным крестом на рукаве, фигуру комсомолки Тамары Калниной.

Приказом Военного совета^{* *} Северо-Западного фронта комсомолка Тамара Павловна Калнина награждена орденом Ленина.

Ал. Исбах.

З. Златопольский.

Подвиг учительницы Ляшковой

Двадцать пять лет трудового стажа у народной учительницы Варвары Филипповны Ляшковой. Последние двенадцать лет она работает в гор. Ельце, заведую начальной школой.

В конце ноября в школе был устроен санитарный пункт. Враг приближался к городу. 4 декабря раненых эвакуировали. Части Красной Армии занимали новые позиции. Шестнадцать красноармейцев, не имея приказа об отходе, остались на месте.

Немцы вошли в город. Рвались снаряды, строчили пулеметы.

Отходить было поздно, и Варвара Филипповна решила спасти красноармейцев. Находиться в школе было опасно, и она спрятала их в подвал. Вскоре к зданию пробралось еще 17 красноармейцев. Тов. Ляшкова и их поместила в подвал.

Кругом — враг. На чердаках соседних домов установлены пулеметы. За школой наблюдают автоматчики.

Выходить на улицу не разрешено. Мобилизовав все свои запасы, Ляшкова накормила красноармейцев, но к вечеру продукты кончились.

Презирая опасность, Варвара Филипповна решила пойти к хорошо знакомым железнодорожникам Мухиным, Токаревым, Сарычевым. Товарищи чутко отнеслись к ее просьбе, дали ей крупы, картошки, капусты, хлеба и кое-какую одежду. Накормив бойцов, Варвара Филипповна стала совещаться, что делать дальше. Товарищи порекомендовали ей пойти в разведку — узнать расположение противника. Она отправилась в слободу Аргаман. Зашла к родителям своих учеников. Побеседовав с ними, точно узнала, где и сколько расположено вражеских солдат.

— Возвращаясь домой, — рассказывает тов. Ляшкова, — я встретила направлявшихся к школе 15 немцев. Среди них был елецкий житель в штатском. Остановив, они начали расспрашивать меня, где скрываются красноармейцы. Поняв, о чем идет речь, я ответила, что ничего не знаю. Не добившись нужного им ответа, один из немецких мерзавцев ударил меня два раза по щеке.

Я быстро пошла в школу, рассказала бойцам о встрече и перевела их на чердак. Замкнула дверь, спустилась вниз и стала у разбитого окна наблюдать за окружающей обстановкой. Немцы вошли в котельную. Я поспешила к ним. Один из них на ломаном русском языке спросил: „Рус солдат здесь?“ Я ответила: нет. Тип в штатском подтвердил, что бойцы находятся в школе. Мне пригрозили расстрелом и начали обыск. Рыскали по всем углам, кроме чердака.

Четыре раза приходили немцы, шарили по комнатам, и все безрезультатно. Четыре дня Варвара Филипповна зорко охраняла жизнь 33 защитников нашей родины. Кормила их два раза в день, кипятила воду. На случай побега многим достала штатскую одежду.

В ночь на 9 декабря начались уличные бои. Красная Армия наступала. Враг в панике бежал. Утром Варвара Филипповна увидела первых красноармейцев, вступивших в город. С радостным сообщением побежала она в школу, взобралась на чердак и, волнуясь, крикнула:

— Товарищи, Красная Армия здесь!

Бойцы выбежали на улицу, слезы радости появились на их глазах. Они жали руки, обнимали и целовали Варвару Филипповну.

А. Устинов.

Письма к матери

I

Здравствуйте, мои дорогие! Вот я уже боец РККА! Все 6 суток мы ехали на автобусах и приехали в городок К. Здесь нас прикрепили к подвижным полевым госпиталям. Но госпитали еще не прибыли, и поэтому мы пока, дней на 5—6, считаемся в резерве.

Милая мамочка, ты не представляешь себе, как нас здесь встречают. В каждой деревне нам приносят молока, яиц и ни за что не хотят брать денег. Нас целуют, и, конечно, все старушки плачут. Дети и даже взрослые бросали нам цветы в машины.

Одна женщина бросила букет, он не долетел, она бросила второй — то же самое, тогда она села на землю и заплакала. Мы остановили машину, и она еще раз со слезами на глазах, но уже радостная, принесла нам цветов. Когда мы приехали сюда, нас хотели послать куда-то в другое место, не в части Красной Армии. Мы ходили к начальству и добились назначения в военные госпитали.

Ты не представляешь, какая нам предстоит радостная работа! Нам будет трудно, очень трудно, — это мы все знаем. Но мы все же очень хотим поскорее начать свою новую жизнь.

Мамочка, сейчас пока писать мне нельзя, — нет своего почтового ящика, — но скоро будет можно. Жду писем, вестей от всех родных. Крепко, крепко тебя целую.

У нас здесь была бомбардировка. Упали 2 бомбы, да и те в реку.

ИРИНА.

II

Дорогая, любимая мамочка!

Вот я уже дождалась назначения. Нас отправили в дивизионный медпункт. Вернее, это не пункт, а целый батальон. Я нахожусь в операционно-перевязочном взводе.

Сегодня ночью я получила боевое крещение. Привезли нескольких раненых, и мне поручили их перевязать. Я очень горда оказанным мне доверием, — ведь мы только вчера приехали, и сразу нас пустили в дело! Откровенно говоря, вид крупных ран, — не царапин, как дома, — очень страшен. Я была совсем спокойна, пока перевязывала руки, но когда сестра смазала йодом рану на голове у раненого и он не закричал, а только стиснул губы и сжал кулаки, у меня немного закружилась голова.

Это было одну небольшую секунду. Но все это нехорошо с моей стороны, это самая непростительная слабость. Я утешаю себя только тем, что это первый раз, — еще не привыкла. Ведь голова закружилась оттого, что мне было ужасно жалко его...

Мама, дорогая моя, как мне хочется тебя увидеть! Пожалуйста, сфотографируйся и пришли мне свою и танину карточку. Если будет возможность, я сфотографируюсь и пришлю тебе свое изображение в полной военной форме.

Крепко целую тебя, моя родная, поцелуй Танюшу, Колю.

Мой адрес: Действующая армия, полевая почтовая станция 88, 222-й отдельный медико-санитарный батальон, И. Н. Левченко. Целую крепко.

Твоя ИРИНА.

III

Мои дорогие!

Сейчас выбрала немного времени и решила написать вам письмо, мои горячо любимые мамуся и Танюша!

Мамочка, дорогая моя, не волнуйся, я себя прекрасно чувствую. Бодра, совсем окрепла. Я работаю много, мне очень доверяют. Мамочка, здесь ко мне и Тамаре очень хорошо относятся. Меня называют „маленькая Иринка“. Ты ведь знаешь, я никогда не отказываюсь от работы, — наоборот, я всегда берусь за нее сама. Так было раньше, так и теперь, и я, хоть и маленькая, работаю не меньше взрослых, если не больше.

В нашей бригаде четыре человека, а в остальных по шесть-восемь. Но, судя по отзывам, мы работаем в несколько раз быстрее. Все нас любят и балуют. Командный состав относится к нам прекрасно. Все это серьезные, умные, чудесные люди. Я не ожидала встретить здесь такую заботу. Я это все тебе пишу для того, чтобы ты могла понять ту обстановку, в которой я живу.

Что значит привычка! У нас здесь целыми днями оружейная и пулеметная стрельба, а мы настолько привыкли, что почти ее не замечаем. Правда, нас пока еще не обстреливали, но самолеты летают целый день. Только что немного прострочил по нашему лесу из пулемета один самолет. Следует ожидать еще.

Дорогая моя, как ты там живешь? Напиши, где работаешь. Как Танюша? Пиши мне о себе побольше, все, все пиши. Очень хочется получить от тебя письмецо. Обязательно пришли свою фотокарточку. Мне так хочется вас всех видеть, а тебя в особенности!

Моя любимая, ты ведь понимаешь, где я нахожусь и что меня может в любую минуту ожидать. Я, конечно, не

собираюсь умирать. Но если что-нибудь случится, — знай, что твоя дочь сделала все, что было в ее силах, помогла, как могла, и совсем не жалеет о том, что поехала. И еще знай, что она очень любит свою мать. Я считаю для себя большой честью то, что нахожусь на службе в Действующей Красной Армии.

Мамочка, милая моя, ты должна быть готова ко всему, но я уверена, что мы скоро с тобой увидимся и будем мирно-мирно жить. Правда? Ведь после войны нужен покой, мир! Кончаю писать, моя дорогая, нет времени.

Крепко, крепко тебя целую, моя родная, любимая мамочка.

Твоя военная медсестра ПРИНА.

Привет прабабушке и Федору Петровичу.

IV

Моя любимая, дорогая мамочка!

Прости, что давно не писала. Это не от лени, милая мамочка. Просто я была в бою, и совсем не было времени писать.

Бой был сильный. Я попала в самое горячее место. Стреляло и бомбило все, что только может стрелять и бомбить. Машины горели, пули свистели, снаряды рвались, — нечего сказать, весело было! Я все время прямо под пулями перевязывала раненых. Ты знаешь, моя родная, несмотря на весь очевидный ужас того положения, куда я попала, было совсем не страшно. Вначале при каждом взрыве вздрагивала невольно, а потом так привыкла, что пули свистят, — и совсем не обращаешь внимания.

Я была в бою около пяти дней и вышла совсем невредимой. Так что пока мне везет. Что будет дальше — не знаю. Надеюсь все же с тобой увидеться. Мамочка, какие здесь все хорошие люди! Все, — бойцы, командиры... За время этого боя у меня объявилось вдруг столько друзей, что я их всех даже перепутала. Я ведь была во многих частях нашей дивизии, — так уж пришлось. И вот теперь, где ни появишься, вдруг кто-нибудь крикнет:

— Ирочка, сестричка!

Посмотришь, и сразу даже и не узнаешь. Только немного погодя вспомнишь, где и когда видела.

Мамулька, как ты живешь? Напиши мне хотя бы немножко о всех вас.

Крепко тебя целую, моя родная, крепко-крепко. Привет.

ПРИНА.

Сочинение

В газете коротко сообщалось:

„Отступая под натиском советских войск из одной деревни, фашисты заминировали на пути продвижения наших частей дорогу в поле. За расстановкой вражеских мин и ловушек наблюдала притаившаяся за снежным сугробом ученица 10-го класса Рая Ионова.

Когда наши войска подходили к минированным участкам, юная патриотка бросилась наперерез нашим частям. Фашисты открыли по ней огонь из автоматов и смертельно ранили отважную девушку. Умирая на руках красноармейцев, она все же успела предупредить их о минированных участках“.

Среди ярких, волнующих рассказов, очерков и стихов, вырезанных из газет, эта скупая, короткая заметка ничем не выделялась. Но она тоже была предложена для использования в сочинении „Советские школьники в дни отечественной войны“. И десятиклассник Юра Никонов на первой строчке чистого листа своей тетради отчетливо вывел: „*Рая Ионова*“

Несколько удивленный и еще более заинтересованный преподаватель спросил:

— Вы знали, Юра, эту девушку? Или что-нибудь слышали о ней, читали?

— Нет, Иван Спиридонович, ничего не читал, кроме этой вырезки... И не знал ее...

Иван Спиридонович посмотрел на юношу долгим, пристальным взглядом. И когда Юре нехватило для сочинения учебного времени и он, смущаясь и краснея, попросил разрешения „дописать после уроков“, старый педагог, взволнованный и все понимающий, разрешил без слов.

Вечером мы с Иваном Спиридоновичем читали вслух сочинение Юры Никонова.

Сочинение... Как-то трудно выговаривается тут это сухое синтаксическое определение. Мы читали документ, написанный горячей кровью юного человеческого сердца, до краев переполненного неизбывной любовью и неистребимой ненавистью. Оттого и по форме оно было необычным.

„...Вы спросили меня, Иван Спиридонович, знал ли я когда-нибудь эту девушку, Раю Ионову. И я ответил вам, что не знал. Это не совсем так. Мне кажется, что только вчера я расстался с нею и скоро, очень скоро увижу ее снова.

Рая — это Галя. Сестра моя.

Галя! Почти три месяца прошло, а я все жду тебя и жду. И мне все кажется, что вот придет весна и в одно прекрасное утро ты снова ворвешься ко мне в комнату. Настежь распахнешь окно в наш цветущий яблоневый сад, со смехом вздохнешь мои волосы и стащишь с меня одеяло. И на весь дом раздастся твой чистый, звонкий девический голос: „Юрка, лентяй, ты будешь вставать сегодня или нет? Я уже две грядки прополоча, на ферму сбежала, семь ведер молока переносила, а ты все спишь“.

Галя... Сестренка моя...

О ней не писали в газетах. Разве обо всех напишешь? Написали о Рае Ионовой. Но Рая — это Галя.

...Мама наша умерла давно. Мы жили втроем: отец, Галя и я. Отец был председателем колхоза. Когда в село ворвались звери, нас всех троих повели на казнь. За то, что отец не хотел сказать, где зарыт колхозный хлеб. Раздели, разули, связали руки и так повели.

Кругом стоял народ. Сначала к виселице подвели отца. Зверь кричал: „Ты будешь говорить?“ Отец молчал. И смотрел на нас. И мы смотрели на отца. И вдруг Галя — спокойно так, будто мы сидим дома за столом, говорит мне: „Смотри, Юра, папа наш, как Иван Сусанин. Помнишь?“ „Пробил мой грозный час“... Я посмотрел на нее, и мне показалось, что она сошла с ума. Такое странное выражение было в ее глазах...

Зверь увидел, что Галя наклонилась ко мне, подбежал и ударил ее палкой по голове. Я вскрикнул. Галя не издала ни звука, из носа у нее хлынула кровь. Зверь отшвырнул в сторону отца и подвел к виселице Галю. И опять обращается к отцу: „Ты будешь говорить?“ Отец молчал. Тогда зверь размахнулся кинжалом и ударил Галю в грудь... В эту секунду, раздался страшный гул. И я провалился в пропасть...

Очнулся я дома. Прежде всего меня поразила жуткая тишина. Такая жуткая, что я несколько секунд лежал и не мог пошевелиться. И вдруг... Трудно писать, Иван Спиридонович, нет таких слов на языке человеческом...

И вдруг слышу тихий, словно шелест листьев, голос Гали: „Юра... Юра... Смотри... горит... Юра“... Я вскочил, как безумный. Галя лежала на кровати. Она умирала. У изголовья стоял окаменевший отец. Кругом — люди. Казалось, никто из них не дышал.

„Юра!“ — И это в последний раз я услышал попрежнему сильный, звонкий, радостный голос нашей Гали. Она стремительно приподнялась на подушке, протянула ко мне руки и тут же упала мертвой...

Отец потом рассказывал. Галя, когда была в сознании, все твердила: „Нет, папа, нет, твой час еще не настал. Он будет грозным для них. Ты отомстишь за нас“... Она думала, что я умер. Я же был лишь оглушен снарядом при схватке внезапно нагрянувших партизан с фашистами. Звери трусливо удрали из села.

...Я сказал вам, Иван Спиридонович, что не знал Раю Ионовой. Нет, я ее знаю! Она — это Галя. Сестра моя. Она — это тысячи, миллионы советских девушек, моих сестер, готовых умереть за родину.

Рая! Ты, как и Галя, была веселой, жизнерадостной советской девушкой. Ты кончала десятилетку и мечтала о будущем. И мечты твои были светлые, лучезарные и безбрежные. Ты крепко любила родину-мать и знала, что родина тебя тоже крепко любит. Может быть, ты иногда немножко ленилась, Рая? Как и я прежде? Ведь жили мы без нужды и без горя. Нас всех называли детками. А когда старшие не очень сердито ворчали на нас, помнишь, мы отшучивались: „Мало ли что бывало, — говорили мы со смехом, — то было ваше время, а то — наше“.

Но вот над родиной разразилась гроза. И кровь отцов заговорила в детях. И под огнем вражеских автоматов, не думая о смертельной опасности, ты бежишь спасать воинов Красной Армии. И умираешь за родину...

О чем ты думала, Рая, в свой предсмертный час? В те неисчислимо короткие мгновенья, когда прощалась с жизнью? Может быть, ты, как и Галя, вспомнила шумную, веселую поездку в Москву на каникулы, где мы слушали „Ивана Сусанина“? Может быть, яркий пионерский костер у подножия Кавказских гор? Или перед тобой промелькнули наши тучные, необозримые поля, а в них ныряющие, словно в море, пионеры в красных галстуках и в венках из голубых васильков...

Рая, сестра моя! Твой последний потухающий взгляд встретился со взглядами красных воинов, на руках которых ты умерла. И ты ушла от нас твердо уверенной, что смерть твоя будет отомщена.

Да, сестры моей родины, смерть ваша будет отомщена!

...Меня не пустили с отцом в партизаны. Я должен был подчиниться. Но через несколько месяцев я кончаю школу и буду призван в армию. Я молод, но около виселицы я прожил большую, страшную жизнь.

Враг? Это барин, помещик, кулак, вредитель. Мы не видели их живыми, а потому не знали настоящей ненависти к врагу.

Но вот мы встретились с человекоподобным чудовищем

лицом к лицу. В смертельной схватке. И мы научились по-настоящему ненавидеть.

Извините меня, Иван Спиридонович, что я задерживаю классную работу. Я долго молчал. Вы все были очень чутки ко мне, не расспрашивали, старались расшевелить меня. И вот настал момент, когда я уже не могу молчать. Ненависть — жгучая, нестерпимая — заставляет меня говорить. Я хочу мстить.

Родина! Мать моя любимая! Единственная в мире! Ты лелеяла нас, ты баловала нас, ты дарила нам лучшие свои блага, ты ничего не жалела для нас. И нет жертвы, равной той любви, какой ты окружала нас с детства. И я, твой сын, сын русского народа, клянусь тебе священной памятью своей Гали и Раи и всех погибших сестер и братьев, что я буду мстить! Жестоко, беспощадно, каждой каплей своей крови. Если вражеским снарядом оторвет мне руку, я буду биться одной рукой. Если я лишусь ног, я подползу ползком к звериному стаду и буду разить его гранатой. Если мне выбьют оба глаза, я увижу врага глазами сердца и не промахнусь...“

* * *

Старый учитель молча перевернул последнюю страницу тетради и ничего не сказал. В его глазах я увидела слезы.

А. Протопопова.

Подумаем о детях

Как в книге ветер, так война перепутала страницы нашей жизни, выбила всех из привычных условий, разрушила много семейных очагов. Тысячи детей осиротели по вине фашистских бандитов. Слезами сирот орошен их кровавый-путь. Наш гражданский и человеческий долг перед родиной — помочь партии и правительству воспитать детей, отцы и матери которых погибли в борьбе за родину.

Со времени выхода в свет моей книги „Моя семья“ я получала и продолжаю получать тысячи писем со всех концов нашей необъятной страны от людей, которые обращаются ко мне за советом и содействием, желая взять на воспитание ребенка. Многие признаются, что та пустота, которая окружала их до сих пор, исчезнет, если за наименее своих детей они отдадут свою любовь и ласку малышам, лишенным семьи.

Сейчас настало время, когда о детях должна подумать каждая семья. У нас не должно быть семьи без детей.

Это — вопрос не только заполнения пустоты в личной жизни, но большое ответственное дело. Долг наш перед родиной — не допустить, чтобы у нас появились безнадзорные и беспризорные дети. Мы должны заменить родителей сиротам наших героев. Нельзя сидеть спокойно, сложа руки, и предоставить всю заботу о них государству. В трудные для родины дни каждый гражданин должен личной инициативой помогать партии и правительству, перед которыми стоит множество ответственных задач.

Воспитывать детей легче, чем перевоспитывать. Год безнадзорности может оставить неизгладимый след в душе ребенка. Чем больше осиротевших детей найдут сейчас семью, любовь и ласку, тем больше выиграет от этого в будущем вся наша страна.

Кто действительно любит детей, тот не задумается взяться за это ответственное дело — воспитание человека. Для этого совсем не надо иметь большие средства.

Дети, которых я воспитала и вырастила, — гордость моей жизни и радость моей старости. Наш Сергей получил на днях орден Красного Знамени за образцовое выполнение боевых заданий на фронте, за доблесть и мужество в борьбе с немецкими оккупантами. Этот орден вместе с ним получили и мы, его приемные родители, — ведь мы дали родине еще одного героя.

Я призываю женщин нашей страны — берите на воспитание детей. Вы никогда об этом не пожалеете. Сознание исполненного долга перед родиной послужит вам общественной наградой, радость и гордость за выращенного хорошего человека — личной наградой.

Наталья Пфлаумер.

Ты не сирота, малыш!

(О благородном почине женщин „Красного Богатыря“)

В больнице лежит маленькая девочка Зоя. Глаза ее полны недетского ужаса. Руки и ноги обморожены. Трепещет, шепчет что-то и все оглядывается назад, словно за ней гонятся.

С этой девочкой случилось страшное. Ворвалась немецкая свора в Спас-Помазкино, стала жечь дома, стрелять. Мать Зои подняла ребят в чем они были и побежала прочь из деревни. Она прижимала к сердцу грудного ребенка, а трехлетнего тащила за руку. Шестилетний мальчик и дочка бежали рядом. Немцы прицелились.

Убили мать. Она упала в снег, выронив ребенка. Зоя схватила грудного на руки. Шестилетний и трехлетний уцепились за ее юбочку. А ей самой-то всего десятый год!

Так и побежали втроем... Изверги прицелились еще раз. Пристрелили шестилетнего. Упал, обливаясь кровью. Во весь дух мчалась девочка с младенцем. За ней, громко плача, спотыкаясь, падая в снег и снова поднимаясь, семенил трехлетний малыш. Фашистская пуля скосила и трехлетнего. Раскинул ручонки, забился на снегу. Девочка все бежала, бежала вперед, не помня себя от страха. Грудной ребенок замерз и перестал дышать. Прижимая к себе трупик младенца, девочка мчалась вперед. Ветер сорвал платок с ее головы, снегом замело светлую головку...

Товарищи, это непереносимо страшно... Но сколько осталось вот таких ребят, как Зоя. Без отца, без матери, без родного крова. Круглые сироты. Будь ты трижды твердый, умеющий владеть собой человек, — зарыдаешь навзрыд, глядя на такую вот девочку, которая зовет в бреду: „Мама! Мама!“, и все передвигает забинтованными ножками, — все бежит, бежит... Невольно представляешь себе своего ребенка — сына, дочку на месте этой Зои, и сердце холодеет.

Вот так похолодело сердце московской галошницы Елены Семеновны Овчинниковой. Выпрямилась во весь рост, побледнела, протянула вперед руки.

— Товарищи! Прошу слова... Товарищи, прошу слова, как мать...

Это было в цехе № 3 на московском заводе „Красный богатырь“. Шел в обеденный перерыв митинг. Говорили о фашистских зверствах. Говорили о сиротах. Думали сообща, как помочь людям, пострадавшим от немцев.

— Женщины, матери, все это так, все это хорошо, — говорила Овчинникова, — сундуки пересмотрим, найдутся и рубашонки, и платья. Принесем. Но детей-то, детей жалко, ведь они сироты! Отцы их за нас кровь проливали. Матери, не могу я молчать, возьму ребеночка такого к себе, приласкаю, выращу... Четыре дочки у меня, вы знаете. Возьму себе пятую. Проживем!

Работницы плакали.

— Товарищи, — поднялась еще одна мать, — и я возьму дитенка, у которого фашистские гады мать загубили. А если отец на фронте... Ну, что ж, выхожу, сберегу — вернется из армии, скажу: вот сынок твой, ты за меня воевал, а я тебе мальчонку сберегла.

Работницы Овчинникова, Трутнева, Шарова, Цибульская, Садридтинова, Идельчук стали горячо хлопотать,

чтобы им государство доверило усыновить и удочерить сирот. Потолковали с ними, обследовали их бытовые условия, здоровье и разрешили.

Женщины поехали за ребятишками. День этот никогда не забудется. Дети постарше сгрудились вокруг женщин, смотрели на них исподлобья — большими, печальными глазами, в которых застыло горе. Эти все понимали. У многих из них немцы убили матерей на глазах. Малыши, двухлетние, трехлетние крошки, бросились к женщинам, стали ласкаться, как к родным матерям. Иные, совсем несмышлениши, протягивали ручонки и лепетали: „Мама! Мама!“

Работницы глотали слезы. Все произошло быстро и как-то само собой. Голубоглазая трехлетка Вера доверчиво потянулась к Софье Афанасьевне Шаровой.

— На ручки, — сказала она. Шарова подняла девочку, прижала к груди.

— Доченька, — сказала она, волнуясь, — пойдем домой. Доченька моя!

Вера обхватила ручонками шею Софьи Афанасьевны. И, не отрывая мокрого от слез лица от горячих щек ребенка, пожилая женщина объявила всем:

— Моя...

Трутнева взяла семилетнюю Светлану, Цибульская — восьмилетнюю Дусю, Идельчук — трехлетнюю Галку, Овчинникова — Надю, у которой немцы убили отца и мать...

Замешкались около Садридтиновой. Татарка Садридтинова сидела возле кровати мальчика, который очень ослаб и поэтому не мог ходить. Садридтинова гладила его волосянки, а сама тем временем присматривалась к детям, кого взять. У нее двое своих дочерей.

Пора было решать. Садридтинова поднялась.

— Ма-ама! — затрепетал вдруг болезненный мальчик, которого она приласкала, — мама, не уходи. Куда ты? — Он схватил ее руку, прижал к лицу. Прекрасные синие глаза ребенка были полны слез.

— Садридтинова, — шептали ей работницы, — он хилый, больной... Подумай, не тяжело ли тебе будет?

— Жалко мне. Беру больного! — решительно тряхнула головой Садридтинова. — Вылечу, выхожу, человек будет.

Незабываемые минуты пережили работницы „Красного богатыря“, увозя ребятишек. Другие малыши цеплялись за их руки, обнимали их колени.

— С тобой... — лепетали они.

Кто-то из ребят постарше подошел и тихо, стыдливо сказал:

— Возьми меня... У меня мамку и папку германцы в землю закопали. Я — один...

— Мы укутали своих ребят, — со слезами вспоминают матери, — и скорей ушли. Но до сих пор у нас в ушах этот детский плач: „Возьми меня...“

„Красный богатырь“ приготовил сердечную встречу детям, которые нашли семью. В просторной квартире работницы Матрены Ивановны Ивановой был приготовлен горячий чай, ужин. Детям подарили игрушки, мандарины, ласкали их. И ни о чем не спрашивали... Потом матери повели ребят к себе. Дети Овчинниковой встретили крошечную колхозницу Надюшку, как родную сестру. Старшие девочки уже нагрели воду, чтобы ее выкупать. Младшие выложили все свои игрушки...

Недавно мы были на квартире у Шаровой. Верочка — чистенькая, свежая, в теплой красной кофточке, во всем домашнем, уютном — отдыхала после обеда на диване. Возле нее сидели совершенно счастливые Софья Афанасьевна и Иван Ильич. Верочка тоненьким голоском пела.

— В первый раз! В первый раз запела... — радостно объявила Софья Афанасьевна...

Первые дни ребенок был тих и неподвижен. Ей подарили куклу — она на нее не смотрела. Ей подарили цветного гнома, она сказала: „немец“ и затряслась. Стали говорить о валеночках, которые надо ей купить. Она прошептала:

— Валенки в песке закопаны, а то немцы возьмут!

Светлану мы застали с бабушкой. Татьяна Васильевна Трутнева была на работе. Светлана и бабушка сидели у печки. Светлане — восьмой год. Задумчивое личико, все еще грустные и растерянные глаза. Сидит, как зайчонок. Она из Солнечногорска. Много видела ужасов. Иногда возьмет в руки куклу, одернет платьице на ней и снова задумается. Зажужжал самолет. Светлана затрепетала, съезжилась.

— Германы! Бабушка, германы.

— Нет их, милая, нет, внученька, это наши летают, — воркующим голосом успокаивает бабушка, — да что ж ты дрожишь-то так, лапушка? Не озябла ли ты? Дай-ка я тебя укурю.

У Светланы снова теплеют глаза, улыбаются губы. Хорошо это, чудесно это — ребенок нашел семью, ласку.

Смотрю на Светлану и думаю о всех ребятах, потерявших в эти месяцы войны с бешеной фашистско-немецкой сворой отцов и матерей...

Нет, не сироты вы, родные! Советский народ отомстит гадам за гибель ваших отцов и матерей. Советский народ

не оставит тебя, малыш, у которого проклятые немцы украли мать, родной дом, радость, все... Одни из вас будут жить в детских домах, других возьмут колхозы на патронирование, третьих удочерят, усыновят, приглубят советские матери. Но где бы вы ни жили, вы будете под теплым крылом родины.

Не дадим тебя в обиду, малыш! Уйдет страх из твоих глаз, высохнут слезы, будешь здороветь, крепнуть, вырастет из тебя светлый советский человек.

Честь и слава работницам „Красного богатыря“! Большое сердце у советской женщины.

Елена Кононенко.

Провлятие

О фашистских зверствах давно знали ткачихи московской фабрики „Приводной ремень“. И все-таки только сейчас остро поняли ткачихи, молодые и старые, что такое немец-фашист, с которым мы воюем. С уст женщин сорвались проклятия по адресу немецких скотов.

Перед ткачихами стояли две женщины — Анна Торопова и Елизавета Владимирова. Обе они были в лапах немцев и сейчас пришли рассказать все, что пережили, все, что наболело на душе.

Было очень тихо, когда Анна Торопова начала говорить. Губы ее дрожали от недавно пережитых обид, молодые глаза потемнели, как только она произнесла первое слово:

— Женщины!..

И она опустила голову. В голосе клокотали слезы, горечь, стыд, злоба. Злоба к черной фашистской гадине, стыд за то, что пришлось дышать одним воздухом с ними, подавать им жратву, стирать их завшивленное белье, смотреть на их гнусные рожи. Хотя и не виновата в том Анна Торопова, дочь колхозницы, жена красноармейца-фронтовика, хоть и попала она в немецкую кабалу, желая избавиться от нее (она бежала из Истры с маленьким ребенком к матери, в деревню Ефимоново, и тут ее настигли фашисты), но такое сейчас состояние у Анны Тороповой, словно наплевали ей в душу, словно была она в каком-то грязном болоте...

Ткачихи взглянули в побледневшее от волнения лицо молодой женщины и сразу заплакали.

— Ах, сволочи!.. Ну, дай срок, припомнится им все! Это, — слышался шопот.

И казалось, все уже сказано Анной Тороповой, больше не надо произносить ни слова. Но Анне Тороповой хотелось говорить. Пусть все слышат, пусть все советские женщины знают, что такое немец. Торопясь, она стала рассказывать.

И перед всеми нами прошли, как на экране, черные дни истринских женщин, девушек, детей.

Когда немцы ворвались в Ефимоново, Анна Торопова, прижав к груди сынишку, сидела в убежище. Сюда спрятались многие женщины. Немцы заставили всех выйти из убежищ.

— Они велели нам прислуживать им... Когда мы вошли в избы, мы увидели — немцы, грязные, краснорожие, снимают с себя одежду, бьют вшей... Некоторые из них сразу же стали резать овец, коров, уже растопили печи, даже развели костры у домов и жарили колхозную скотину. И вот велели женщинам стирать на морозе их белье. От грудных ребят уводили... Обливаясь слезами, мы стирали их вонючее белье... Утром они на наших глазах расстреляли трех пленных красноармейцев, а одного раненого бойца закололи штыками. Мы все это видели. Тоска на сердце, и злоба, и страх... Что будет с нами? Что будет с ребятами? А, они, проклятые, отошли, — отогрелись, отмылись и хохочут: Рус! Рус!.. — насмеваются.

Анна Торопова замолчала. Трудно было ей рассказывать о пережитом.

А дальше было вот что: немцы на ночь согнали всех колхозников в пожарный сарай, сняли со всех теплую одежду, валенки, отобрали даже ватные одеяла, в которые были завернуты грудные ребята. Утром снова погнали женщин на мороз стирать белье.

— Одну из женщин изнасиловали на глазах у старухи-матери. Товарищи, трудно это рассказывать... Не могу я. Нас заперли в одну избу, а соседнюю избу подожгли. Плач стоял. Женщины рвались к дверям, думали, и нас сожгут. И слышим мы хохот их, издеваются они над нашими страданиями...

Часть женщин, в том числе Анна Торопова, спрятались в лесу.

Восемь дней жили в лесу, на холоде. Многие ребятки умерли. Две женщины здесь же, в лесу, родили, но младенцы их погибли.

— Я согревала сынишку своим телом... Мы голодали. У нас было немного ржи, я варила ее в котелке... Сынок мой заболел, это счастье, что я его сберегла, все-таки он остался жив...

Елизавета Владимировна, работница истринской артели швейников, продолжала тяжелый рассказ Анны Тороповой. На глазах Елизаветы Владимировны немцы впрягли двух подростков, Григорьева и Старостина, в тяжелые сани, сколоченные из бревен, и заставили везти эти сани. Подростки выбивались из сил. Немцы смеялись и били их плетью. За санями бежала, плача, швейница Григорьева, мать одного из мальчиков...

Ночью в дом, где жила Елизавета Владимировна, явились немецкие офицеры и изнасиловали двух женщин. Одна из женщин уже спала со своими двумя малолетними дочками.

„Матка, подвинься“, — заявил офицер. Женщина стала умолять: „Застрелите меня и моих девочек, но я не буду вашей любовницей“. Офицер усмехнулся. Мерзавец изнасиловал женщину, тут же, при девочках, на этой же кровати...

Ткачихи в тяжелом молчании слушали рассказ женщин.

— А потом пришли наши бойцы, — продолжала Анна Торопова, — мы бросились к ним навстречу. К нам в лес пришла сначала наша красноармейская разведка. Дети наши озябли, замерзли. Красноармейцы шинели свои снимали, детей наших отогревали, укутывали...

Анна Торопова больше не могла говорить. Слезы ручьями полились из ее глаз. Она села, отвернувшись. Ее плечи вздрагивали. Ткачихи тоже плакали. А потом стали говорить. Говорил рабочий Никитин, говорила работница Поличкина.

— Мерзавцы! Отольются им слезы наших женщин! Товарищи, да как же можно терпеть такое! Смерть этим гадам!.. Все, что угодно, перенесем, только бы не быть под проклятым немцем!

— Женщины, — говорила Поличкина, — я все слушаю и думаю: да ведь лучше не жить, чем видеть этих мерзавцев. Женщины, всеми силами будем помогать Красной Армии. Подумать только, что все то, что они нам рассказывали, могло быть с каждой из нас. Да не бывать этому!

Старая ткачиха Бочарова подняла руку, проглотила слезы и глухо сказала:

— Хочу, но не могу говорить... Не могу. Вот сижу, смотрю на эту гражданочку (она указала на Анну Торопову), сидит молодая, плачет... Да разве забудется им такое? Да будь они прокляты! Образованная нация... Скоты!

Елена Кононенко.

Поле боя

Немецкие танки стоят у въезда в деревню Ю. Ребятишки копошатся подле них, выискивая что-то в грудке изломанных, покореженных металлических частей.

Третьего дня здесь кипел ожесточенный бой. Немцы пытались прорваться из района Наро-Фоминска к основным коммуникациям Можайского направления, но наши части остановили врага и опрокинули его. В этом бою и была отбита деревня Ю., находившаяся в руках у немцев немногим более суток.

Дымки поднимаются над деревней. Еще тлеют пожарища, черные остовы труб торчат среди обгорелых бревен и пепла, а рядом в уцелевших избах уже растапливают печь возвратившиеся хозяева.

Они сгружают с саней свой скарб, который прятали в ближайшем лесу, и, проходя к крыльцу, брезгливо перешагивают через трупы немецких солдат. Трупы валяются повсюду: во дворах, на улицах, в канавах.

Мороз — 25 градусов. Трупы немцев ооченели, одеревянели. Странно выглядят они: как фигуры из паноптикума, с изжелта-восковыми лицами, со скрюченными пальцами.

Колхозники проходят мимо, мельком взглядывая на них:

— Этот, что ли, забрал у вас в избе все спички, какие были?

— Нет, другой. Вот тот, что лежит правее...

Даже сарай набиты трупами фашистов. Колхозники объясняют, что немцы сразу же затаскивают своих убитых в помещение, „от постороннего взгляда подальше“.

Группа красноармейцев проходит по улице, присматриваясь к брошенным немецким противогазам, магазинам с противотанковыми патронами.

Вдруг к одному красноармейцу бросается на грудь пожилая женщина.

— Мишенька, Миша! Убили ведь старика моего! Убили на глазах моих, гады проклятые!

Немцы расстреляли жителя деревни Ю. Федотова за то, что тот был заместителем председателя колхоза. Вошли в избу, спросили, что он делал в колхозе, и, получив ответ, поставили к стенке.

— Не плачь, — говорит красноармеец, но у него самого губы предательски дрожат и щека дергается. — Не плачь так, Васильевна.

— Наш это царень, — поясняют колхозники. — Бывший

кладовщик колхозный, Миша Коломейцев. В армию ушел, а теперь — смотри, с Красной Армией вернулся. Дружили они очень с Федотовым, с покойником...

За короткое пребывание в деревне немцы успели убить всего несколько человек. Повод, как всегда, находили самый пустяшный. Одного старика убили за то, что он недостаточно быстро снимал валенки, которые приглянулись офицеру.

— А Шинковых вы видели? — спрашивают нас. — Они край деревни жили, дом у них фашисты сожгли, теперь они у Черновых стоят. Как же, они красноармейца-пограничника спасли!

Перед нами три сестры Шинковы: Антонине двадцать лет, Александре — девятнадцать, Пелагее — восемнадцать. Жизнерадостные, улыбающиеся девушки.

— Так и спасли, — говорит Антонина. — Он ранен был, ходить не мог. А немцы уже близко. Стрельба вокруг — ужас! Мы хотели в щель запрятаться, видим: он. Взяли его, потащили.

— Он был без сознания?

— Нет, в сознании, только очень слабый, все время шопотом говорил: „Спасибо, девушки, спасибо вам“.

— Я винтовку его тащила, — вставляет Александра. — Что ж, немцам доставаться винтовке-то?

— Спрятали его в погреб. В самый уголок. Загородили его мешками. Говорим: „Миленький, только стови потише“...

— А тут уже немцы в деревне. И к нам в избу. Полна изба немцев. Человек пятьдесят. Первым делом стали, извините, вшей на себе искать. Расстегнет какой-нибудь свою курточку, а под курточкой белье черным-черно, а у некоторых и вовсе белья нет.

— А наш раненый в погребе пролежал почти сутки, — продолжает Антонина. — То одна, то другая к нему бегаем. „Крепись, — говорим, — миленький. Скоро наши придут, крепись“. Но только он под конец совсем слабый стал...

— Его сейчас в госпиталь отвезли. А нам всем трем от командования полка благодарность. Спасибо, пишут, за то, что жизнь нашему красноармейцу спасли...

Деревню Ю. наши части заняли на рассвете и продолжали гнать немцев, не останавливаясь, не давая им ни минуты роздыха.

Фронт отодвинулся от Ю. далеко на юго-запад, и жители деревни снова начинают жить, как раньше. Вынослив, упрям, несокрушим в своем оптимизме, в своей воле к жизни русский человек.

Л. Платов.

Женщины

Производитель работ говорит: „Можно отдохнуть“. Но женщины не разгибают спины. Они как бы не слышат его голоса.

Прораб уходит и возвращается через час.

— Товарищи женщины, кто поедет со мной на срочную работу? — спрашивает он. — Мне нужно пятнадцать человек.

Пятнадцать женщин отходят в сторону.

— Товарищи, вам следует выделить из своей среды бригадира. Кто может быть бригадиром?

— Что же, если другие не против, буду я, — говорит Анастасия Викторовна Чепитова.

Женщины едут на грузовике по дороге. Домохозяйка Чепитова и бухгалтер Клепикова сидят рядом.

— Сдается мне, что я вас где-то видела, — неуверенно говорит одна из них. — Вы не из Приморского района будете?

— Нет, я на Петроградской стороне не жила. Живу на Выборгской, за Невской заставой.

— А я всю жизнь на Петроградской...

Автомобиль привез женщин к лесу. Они взяли лопаты и ломы, отправились вслед за прорабом и вскоре пришли на новое место работы. Неподалеку от них стоял отряд бойцов.

Прораб подробно объяснил Чепитовой, что и как надо делать. Уезжая, он сказал, что вечером вернется и отвезет всех на машине.

Женщины горячо взялись за работу. Порученное дело каждой хотелось выполнить быстро, чтобы прораб и бойцы остались довольны.

Ленинградская почва известна. Углубились на метр, и пошла вода. Женщины разулись. Желтоватая земляная масса скоро превратилась в кряжистый песок с камешками. Пришлось взять в руки ломы.

И все же работу женщины выполнили значительно раньше назначенного срока. Солнце уже заходило, когда они сели отдыхать, ожидая прораба.

Внезапно из середины низкого белого облака вынырнули два фашистских самолета. Они снижаются. Командир отряда предлагает женщинам немедленно уйти подальше в лес.

Анастасия Чепитова и Александра Клепикова лежат рядом.

Лес стоит безмолвный и спокойный.

Немецкие летчики, вероятно, решив, что в лесу никого нет, стали летать медленнее и ниже. Упало несколько бомб.

И тут заговорили наши зенитки. Зенитка всадила свой снаряд в одну из фашистских машин. От разорвавшейся собственной бомбы самолет разлетелся на мелкие части.

Второй самолет продолжал сбрасывать бомбы. Одна из них разорвалась недалеко от женщин. Их осыпало землей, сучьями, листьями.

Фашистский самолет штурмует лесок, бойцов, орудия. Но вот он ложится вдруг на обратный курс. Он летит низко и косо.

— Подбит, подбит! — восклицает одна из женщин.

Этот самолет был посажен советскими летчиками в двух-трех километрах от леса.

Когда все стихло, к Александре Клепиковой подошла Анастасия Чепитова.

— А я, кажется, узнала... — сказала она. — Вас никогда Шурой не звали?

Александра Александровна отступила, присматриваясь:

— Шурой, да... Теперь и я вспоминаю... Тетя Настя!

И женщины обнялись. Двадцать с лишним лет назад они вместе копали ямы на тыловых сооружениях под красным Петроградом, когда войска Юденича лезли к городу. Они пилили деревья, носили доски, варили бойцам пищу. И вот теперь, на таких же работах, в грозный час они встретились вновь.

У Анастасии Чепитовой в Красной Армии два сына, у Клепиковой — сын и муж. Славные, бесстрашные женщины великого города!

К р о в ь

Товарищ, я тебя не знаю,
Но в этот незабвенный час
Одна любовь и боль святая
Пускай навеки свяжут нас.

Под общим солнцем, общим небом
Росли и крепи мы с тобой,
Вскормленные советским хлебом,
Родной вспоенные водой.

Года над нами прошумели —
И вот мы дожили до дня,

Когда, стянув ремни шинели,
Ты вышел защищать меня,

Мой мир, мой дом, мою работу,
Мои надежды и мечты.
Моим врагам платить по счету,
Разгневанный, поднялся ты.

Я неусыпным сердцем знала
Судьбу достойную твою,
Я стон твой тяжкий услышала,
Когда ты ранен был в бою.

Свалился ты, изнемогая,
Вокруг тебя гудела ночь.
А я пути к тебе не знаю
И не могу тебе помочь.

Тебя к палатке лазарета
Мне на руках не донести,
И я не знаю, кто ты, где ты,
И не могу тебя спасти.

Но, вдохновленная любовью,
Высоким мужеством твоим,
Я поделюсь с тобою кровью,
Моим богатством молодым.

Пускай в твои вольются жилы,
Чтоб делу нашему служить,
Мои стремленья, думы, силы,
Мое желанье жить и жить.

И вместе с возвращеньем к жизни
Я передать тебе смогу
Всю преданность мою отчизне,
Всю ненависть мою к врагу.

Вернешься ты на поле чести,
Пойдешь героем в новый бой,
И будем мы сражаться вместе,
Ведь кровь моя пойдет с тобой.

Маргарита Алигер.

Письмо любимому

Красноармейцу Софу Мансурову

Любимый мой!

Теперь длинные ночи, и вечерами я долго сижу у люльки с нашей малышкой и думаю о тебе. Где ты теперь? За тысячи километров лежит город, о котором сейчас думает весь мир. И ты, должно быть, там со своими артиллеристами. Ты, наверное, редко теперь спишь. И делишься махоркой с друзьями и вспоминаешь нас — меня, малыша, свой ЧТЗ. Как я хотела бы сейчас хоть одним глазком посмотреть на тебя!

Я напишу тебе длинное-предлинное письмо. Теперь у меня будет больше времени.

Вот пришел с работы отец. Старик работает с утра до вечера и сильно гордится этим. Он теперь главный мукомол колхоза. Когда ему говорят, что мельница его — ровесница с ним и что им обоим вместе 180 лет, он очень сердится. „Что вы понимаете?.. — говорит он. — Мельница целую дивизию может снабжать мукой“. Но, видно, мельница все-таки стара: он дни и ночи все что-то исправляет. Сейчас пришел весь в муке — и прямо к внучке. Ну, я так и знала, что он разбудит ее. Придется теперь снова укачивать...

...Так вчера и не удалось закончить письмо. Укачивала дочку. А потом пришел Нурий Нургалеевич Улямаев и стал рассказывать о боях под Смоленском. При тебе Нурий Нургалеевич был счетоводом. Теперь он председатель колхоза. Левая рука его в гипсе. Его ранили под Смоленском. Ему советовали отдохнуть, а он сказал:

— Как я буду сидеть без дела, когда такой урожай, что за зиму не успеешь все перемолотить?

Избрали его председателем. Он подтянул дисциплину в колхозе и вместе с комсомольцами так поставил работу, что к нам стали приезжать корреспонденты из Москвы и из Уфы. Очень хороший председатель вышел.

Сегодня он пришел узнать, не прислал ли ты мне письма.

— Должен я знать, как работают мои кадры там, на фронте, правда?

— Конечно, — ответила я и показала ему твои письма. Он прочел их и сказал:

— Гордись им, Мариам. И знаешь что? Напиши ему хорошее и длинное письмо, потому что на фронте самое дорогое — это хорошее письмо. И махорка. От меня пере-

дай привет. В чем дело? Он младший командир, и я младший командир. Вот рука заживет, и я опять поеду на фронт.

Я обещала ему обязательно написать тебе длинное письмо. Если будет у тебя время потом, напиши ему письмецо.

Как быстро время летит! Девчата из моего звена уже стучат в окно. Кончился обеденный перерыв, и мы идем опять на работу. Ну, пока, до вечера! Спешу.

...У меня замечательные девчата. После обеда, когда шли в поле, подул северный ветер. Девчата переглянулись. „Неужели занюют?“ — испугалась я. Ты же знаешь, что такое северный ветер в Башкирии осенью. Руки мерзнут, совсем как в декабре, когда полощешь белье в проруби.

Что, думаю, делать? Зря испугалась. Девушки переглянулись и запели. Им плевать на непогоду. Я тоже подтянула песню. Это была, наверное, первая песня, какую мы пели за время войны...

Помнишь, когда мы вас провожали, какая высокая рожь стояла по обеим сторонам дороги? По восемьдесят пудов с гектара в среднем — вот какой урожай! А ведь, кроме ста двадцати трех гектаров ржи, в нашем колхозе триста семьдесят гектаров пшеницы с невиданной урожайностью — 120 пудов с гектара. А овес — 80 га, а картофель, греча, просо, горох, подсолнух — 140 га. Все это нужно было убрать во-время, а около семидесяти человек ушло на войну. Приходилось, конечно, частенько недосыпать, идти на все, только бы не оставить хлеб на корню.

И на этот раз девушки не повесили головы, когда увидели, что проклятый ветер и в самом деле может похоронить под снегом несколько гектаров проса. У нас ломило суставы, выskalзывали серпы из рук, но мы все-таки, не разгибая спины, работали до полуночи. Сжали все просо и поставили его в бабки.

Когда шли домой, шатались от усталости. Попили чаю с медом и впервые вздохнули всей грудью: наконец-то весь хлеб до последнего колоска нами убран. Теперь осталась молотба. Это уже легче.

Мы промечтали с девчатами до рассвета. Пришел Автах Улямаев. Он теперь у нас комсоргом. Пошутил с девчатами, а потом говорит мне:

— Мариам, на сколько ты выполняла нормы при вязке снопов?

— Не меньше твоего, — засмеялись девушки, — по восемь тысяч вместо трех по норме.

— Правильно, — сказал Автах. — Я к тому и речь веду... Твое звено, Мариам, хорошее. На 180 процентов нормы выполняет... И муж твой комсомолец.

— Ну, что?

— Не пойму, почему ты не в комсомоле?

И он стал мне рассказывать о комсомоле, о войне, о комсомольцах-героях. Сказал, что я на деле доказала свое право быть комсомолкой и что если я решу, то он с удовольствием даст мне рекомендацию. В самом деле, почему я не в комсомоле? Автах, конечно, прав.

На твоём ЧТЗ теперь работает Хадмулла Киреев со своим напарником Максутом Абдулхаковым. Им немало досталось в этом году. Ночами они работали, поднимали зябь. Земля подмерзла, и Хадмулла очень огорчается, что меньше экономится горючего, чем ему хотелось бы.

Чтобы экономить горючее, мы на молотилки поставили лошадей и хотели отвозить зерно лошадьми прямо на элеватор. Зерно было сырое, и мы пустили в ход свою зерносушилку. Нурый Нургалеевич так организовал все дело, что зерно непрерывным потоком шло от молотилки к зерносушилке и потом прямо к элеватору. За эти несколько дней нам удалось сдать государству уже 1500 центнеров в счет поставок и 900 центнеров за работу машинно-тракторной станции.

Зерна много. По 5 килограммов на трудодень мы получим, никак не меньше. А у нас заработано уже свыше тысячи трудодней, да еще трудодней триста до конца года заработаем. Так что ты можешь несколько не беспокоиться о нас. Картошки столько уродилось, что ссыпать некуда: все подвалы заняты.

Каждое утро нам комсомольцы передают все новости. Вечером пришла областная газета, и мы читали боевые эпизоды, и я думала о тебе, мой дорогой. Мы ни минуты не сомневаемся в победе. Я верю, что ты вернешься и все пойдет по-хорошему.

В последнем письме ты пишешь, что тебя перебрасывают на другой участок фронта и что изменится, наверное, твой адрес. Что ж, ты все равно прочтешь мое письмо. Я пошлю его в большую газету, и если ты сам не сможешь сразу прочесть его, то прочтут его твои товарищи и передадут тебе все, что я писала.

Они передадут тебе и о том, что я сегодня подаю заявление в комсомол, чтобы работать за тебя в колхозе, и что наша дочь Зифа снова разбужена своим дедом.

Крепко-крепко целую тебя.

Твои Мариам.

Семеро смелых

Феликса Гржибовская и ее бригада еще идет в строй, если можно так выразиться, начинающих мастеров. Но работа семи девушек, состоящих в бригаде, вполне заслуживает того, чтобы причислить их к строю славных мастеров завода.

Бригадирю Феликсе Гржибовской 25 лет, остальные еще моложе, но за свою короткую жизнь эти девушки уже успели много увидеть и испытать. Они видели, как фашистские разбойники, несущие пожар, кровь и смерть, погнали родное советское небо, как родные заводы снялись с насиженных мест, встали на колеса и отправились на восток, за каменный пояс Урала. Они видели безмерные страдания и великий гнев народа, и в их молодых глазах горит жажда мести гитлеровским бандитам.

На энском заводе девушки сваривали вагоны и цистерны, а здесь, на новом месте, на новом заводе, им поручили сваривать боевые машины. В дни войны на заводах начали привлекать женщин к процессу электросварки. Феликса Гржибовская и сейчас с волнением вспоминает:

— Начальник цеха вызвал нас однажды к себе в кабинет и сказал, что мы будем варить корпус танка. Нас в первую минуту даже дрожь взяла: „Ох, девчата, сумеем ли мы?“. Но ни одна из нас не подумала отказаться. Время грозное, родина в опасности, фронт требует, значит надо сделать. Между собой мы это важнейшее дело со всех сторон обговорили и решили: включимся сначала в общую бригаду, войдем в курс дела, а там посмотрим.

Мысль о нашей девичьей бригаде у нас уже тогда была, но разумно было начать именно так, как мы начали. В общей бригаде мы сварили три корпуса, проверили себя и решили работать самостоятельно.

Расчет вдумчивой девушки оправдал себя еще и в другом смысле. Горячая преданность девушек работе, умение быстро ориентироваться в новых, более сложных условиях дали им моральное право на помощь и содействие старого поколения электросварщиков, людей очень требовательных и неподкупно зорких до каждого огреха в работе.

„Стараетесь, значит вам надо помочь“, — сказал девушкам мастер Гагарин.

И действительно чутко, по-отцовски, направлял их своими советами и указаниями. „Дело хорошее“, — одобрил он намерение девушек варить сталь самостоятельно.

И вот однажды в октябрьские дни, придя к себе на участок, девушки увидели огромный корпус боевой машины. Семь девушек радостно и оторопело переглянулись и вдруг представили себе эту машину в готовом виде. Грозную, боевую машину, которая в самом недалеком будущем отправится на фронт. Возвышаясь стальной башней над просторами родных русских снегов и сметая с пути проклятые фашистские орды своим метким молниеносным огнем, мчится вперед великолепная боевая машина. Гордая, бесстрашная и беспощадная, как сама месть оскорбленного мирного народа. И смелость, чудесная смелость молодости, вспыхнула в сердцах девушек.

— Ну, девчата, — заявила Гржибовская своим мягким неторопливым голосом, — страхи долой и давайте варить.

Когда сварили первый корпус, Феликса Гржибовская, словно еще не веря собственным глазам, обошла его кругом. На лице ее бродила детская изумленная улыбка.

— Да неужели это мы сварили?

А ее правая рука, бедовая Шура Рогожкина, задорно усмехнулась всем своим румяным курносеньким лицом и горячо поддержала бригадира:

— Да! Вот и сделали! Пусть „они“ много о себе не воображают.

„Они“ — это те, кто сомневался в силах и возможностях первой женской бригады, кто с обидной снисходительностью замечал: „Молодо — зелено, где им справиться?“

— Сначала мы огрызались, а потом поняли: эти отстающие мнения некоторых товарищей мы перебором только новым достижением в нашей работе. И мы еще крепче стали стараться, — рассказывает Гржибовская.

Теперь уже она снисходительно улыбается, вспоминая, сколько трудностей преодолено — и с честью.

Любая из этих славных девушек — лыжница, бегунья и гранатометчица Шура Рогожкина, застенчивая Надя Гринева, бойкая маленькая Маруся Балукова, молчаливая и серьезная Женя Протасова, черные глаза которой говорят иногда яснее слов, — каждой из них есть что вспомнить о том, как приходилось пробираться вперед.

Чего ни коснись — все было для них ново, и всей этой новизной надо было овладеть на „отлично“. Девушки всегда помнили, что взяли на себя „всю полноту ответственности“ за сварку боевой машины. На то ведь они и объявили себя самостоятельной бригадой.

— Бригада сильная, — говорит заместитель начальника цеха. — В ноябре она дала уже 140—150 процентов, что по слесарной, например, работе равно 300 процентам. Наши

девушки не зазнаются и после каждой удачи хотят достигнуть еще большего. Спросите их, о чем они сейчас мечтают? И они единодушно ответят: „Хотим быть лучшими стахановцами цеха, хотим дать 200 процентов“.

Гржибовская со свойственной ей самостоятельностью добавляет:

— Но для этого администрация цеха должна учесть наши требования: во-первых, чтобы все сварочные машины всегда были в порядке, во-вторых, чтобы наши электрики исправляли все, что нужно, во-время и быстро. Тогда от наших 150 процентов уже не так далеко до 200.

— Мы — „семеро смелых“, — подхватывает Шура, и мы можем поддержать ее.

Да, семь девушек-патриоток, молодых, растущих мастеров огня и стали, творят боевые машины. Ослепительно пылают венчики вольтовых дуг, огненный вихрь брызжет из-под электрода, летает над железными щитками, надетыми на цветущие девичьи лица. Как вонпельницы, закованные в железо, обступили они корпус машины. И руки, твердые, точные — руки мастеров сшивают металл надежным швом, прокаленным также пламенем их любви к родине и ненависти к черной орде фашистских захватчиков.

Пусть бойцы нашей любимой Красной Армии знают, что в числе танков, могучим потоком идущих с Урала на фронт великих битв за свободу и честь родины, идут и те боевые машины, которые сварили семь смелых советских девушек.

А. Караева.

Дочь врача

Студентка, дочь врача Тамара Смирнова пошла добровольно на фронт в морскую пехоту. Она приняла свое боевое крещение в десантной операции. Темной осенней ночью прыгала она в холодную воду и шла с первым отрядом краснофлотцев, совершивших дерзкий бросок.

Намокли шинель, сапоги, ныли руки. Тамара напрягала все силы, но не отстала от бойцов. Впереди вырисовывалась темная полоска берега. Тут уже было мелко, почти по колено. Приходилось идти, согнувшись в три погибели, чтобы случайно не обнаружить себя. Немцы заметили десант у самого берега и открыли сильный огонь.

Тогда моряки поднялись во весь рост и неудержимой лавиной ворвались на берег. Наша артиллерия и пулеметы

из края в край прочесывали линию обороны противника. Немцы огрызались. Пали раненые краснофлотцы.

Моряки прорвались сквозь линию ДЗОТов и очутились у немцев в тылу. Тамара была с ними, она участвовала в боях, перевязывала раненых, делила с моряками невзгоды и лишения. За четыре напряженных дня, каждый час которых казался вечностью, все убедились, какой она нужный и полезный человек.

Однажды в морозный день ей дали задание: проследить расположение огневых средств на переднем крае обороны противника. Тамара, как крот, ползком пробралась через лес, переползла открытые места. Целый день лежала, маскируясь, в нескольких шагах от расположения немцев, а ночью вместе с краснофлотцами ушла в тыл к немцам и сделала все, что требовалось командованию. По огненным точкам ударила наша артиллерия, и очень скоро немецким укрепленным рубежом овладели наши войска.

Ночью группа, в состав которой входила и Тамара, возвращалась из расположения немецких частей к нашим позициям. Вдруг Тамара обнаружила, что двое разведчиков не заметили сигнала командира и остались на месте. А дело близилось к рассвету, и ребята могли нарваться на сторожевое охранение немцев. Тамара отделилась от группы и поползла обратно выручать друзей. Она прекрасно запомнила ориентиры и, двигаясь по старому следу, нашла разведчиков, вывела их на нашу сторону.

Вскоре была ночная разведка боем. Группа моряков-разведчиков атаковала немецкий ДЗОТ. Немцы освещали местность ракетами. У одного краснофлотца нехватило терпения, он бросился вперед в ту минуту, когда немцы пустили очередную ракету и ее яркий свет залил широкое пространство. Немцы заметили балтийца и открыли сильный минометный огонь. Моряки бросились к ДЗОТу, швырнули гранаты, взрывы смешались с криками и стонами. Немцы отстреливались. Тамару ранило в грудь, горлом хлынула кровь, но она была в сознании и ясно слышала слова товарища:

— Тамара, я ранен, перевяжи меня!

Слабеющим голосом Тамара ответила:

— Подожди минутку...

Она подползла к раненому и уже была почти рядом, как немецкие пули впились ей в бедро и руку. Раненый краснофлотец спросил Тамару:

— Тебе тяжело?

— Ничего, не беспокойся...

Они лежали на снегу в двадцати метрах от немцев.

Было так тихо, что враги услышали их голоса и снова открыли ураганный огонь. Пуля задела голову Тамары, по ее лицу потекла горячая кровь. Помутнело в глазах, и Тамара, чуть приподнявшись, тут же упала к подножью сосны. Несколько часов она лежала без сознания. Потом очнулась. „Надо помочь раненым товарищам“. Она была в полубреду, ей чудились голоса краснофлотцев, зывающих о помощи. Тамара поползла, действуя здоровой рукой. Кругом грохотали снаряды, трещали пулеметы, с визгом проносились пули. Тамара ползла дальше и дальше, изредка поднимая голову, чтобы ориентироваться и выйти к своим. Так она добиралась, тяжело раненная, без пищи, двадцать восемь часов подряд. Порой ей казалось, что все кончено, что не бывать ей больше в кругу боевых друзей. Но при мысли о том, что она, полуживая, может попасть в плен к немцам, крепко сжимались зубы и неведомо откуда появлялись новые силы, новая энергия. Израненная и истощенная, она добралась до наших окопов, бесстрашная русская героиня.

За выдающиеся подвиги Тамара Смирнова награждена орденом Красного Знамени.

Н. Михайловский.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Мы не забудем тебя, Таня <i>С. Любимов.</i> („Комс. Правда“, 27/I 1942 г.)	3
Наша „Таня“. <i>В. Чернышев.</i> („Комс. Правда“, 18/II 1942 г.)	7
Выступление по радио Л. Т. Космодемьянской („Правда“ 18/II 1942 г.)	11
Совершеннолетие „чижика“. <i>К. Филатова.</i> („Комс. Правда“ 10/I 1942 г.)	13
Долг. <i>А. Ибях. Э. Златопольский.</i> („Правда“, 14/I 1942 г.)	16
Подвиг учительницы Ляшковой. <i>А. Устинов.</i> („Правда“, 14/I 1942 г.)	18
Письма к матери. („Комс. Правда“, 24/X 1941 г.)	20
Сочинение. <i>А. Протопопова.</i> („Комс. Правда“, 15/II 1942 г.)	23
Подумаем о детях. <i>Н. Пфлаумер.</i> („Правда“, 18/I 1942 г.)	26
Ты не сирота, малыш! <i>Е. Кононенко.</i> („Правда“, 31/I 1942 г.)	27
Проклятие. <i>Е. Кононенко.</i> („Правда“, 10/I 1942 г.)	31
Поле боя. <i>Л. Платов.</i> („Комс. Правда“, 6/XII 1941 г.)	34
Женщины. („Известия“, 14/IX 1941 г.)	36
Кровь. <i>М. Алигер.</i>	37
Письмо любимому. („Комс. Правда“, 23/XI 1941 г.)	39
Семеро смелых. <i>А. Караванга.</i> („Правда“, 16/II 1942 г.)	42
Дочь врача. <i>Н. Михайловский.</i> („Правда“, 20/II 1942 г.)	44

Составитель *М. Х. Кочнев.* Редактор *В. П. Федоров.*
Подписано к печати 5/III 1942 г. КЕ 386. Тираж 5000 экз. Печ. л. 3.
Уч.-изд. л. 2,64. В печ. л. 39 744 зн. Цена 40 коп.

Типография издательства Ивановского областного совета депутатов
трующихся, г. Иваново, Типографская, 4. Заказ № 1160.

40 ноп.

